

Владимир Иванютенко (посередине), акция против пенсионной реформы 7 сентября 2018 года / Фото: Давид Френкель

24.10.2020, 12:12 Санкт-Петербург

ИНТЕРВЬЮ

Классическая полицейская провокация. Обвиняемый в покушении на «повара Путина» освобожден

Оппозиционер Владимир Иванютенко полтора года провел в СИЗО по обвинению в подготовке покушения на бизнесмена Евгения Пригожина, **близкого к Кремлю**. В феврале 2020 года оппозиционера **осудили** на 3,5 года. В начале октября суд **отменил приговор**, Иванютенко вышел на свободу, но история не закончилась. О перспективах пересмотра дела и условиях содержания с ним поговорил корреспондент радиостанции «Эхо Москвы в Петербурге» Сергей Кагермазов.

Владимир Иванютенко до заключения был постоянным участником оппозиционных акций в Петербурге. В 2017 году неизвестный **ударил его ножом**. В 2018 году Иванютенко **опознал** в нападавшем героя расследования «Новой газеты» о предпринимателе Евгении Пригожине. В 2019 году против Иванютенко возбудили уголовное дело о незаконном хранении компонентов взрывчатки (ч. 2 ст. 222.1 УК). По версии следствия, он положил их в камеру хранения продуктового магазина «Пятерочка».

На суде выступил **засекреченный свидетель**, который якобы обсуждал с подозреваемым покушение на Пригожина. Иванютенко опознал в нем своего, как он думал, соратника по оппозиционному движению Георгия Левина. Оппозиционер утверждает, что стал жертвой полицейской провокации. По его словам именно Левин передал ему пакет с компонентами бомбы, но о содержимом пакета Иванютенко не догадывался.

Некоторые понятые по делу **оказались связаны** с Пригожиным. 7 февраля 2020 года Невский районный суд назначил Иванютенко 3,5 года колонии-поселения, признав его виновным в незаконном хранении компонентов взрывчатки. Защита обжаловала приговор, и во время апелляции Петербургский городской суд обратил внимание на то, что следователи **уничтожили** компоненты взрывчатки на полигоне еще до назначения экспертизы по делу. 2 октября суд **решил**, что таким образом они нарушили установленную законом процедуру, и на основании этого отправил дело на пересмотр. В тот же вечер Иванютенко вышел на свободу из СИЗО «Кресты».

БЫЛА ЛИ БОМБА?

Владимир Иванютенко на акции 7 октября 2017 года / Фото: Давид Френкель

Владимир Иванютенко на акции 7 октября 2017 года / Фото: Давид Френкель

Улики по вашему делу уничтожили на полигоне при испытаниях. Получается, это и были компоненты бомбы?

— Я не уверен, что то, что я передал через камеру хранения, и то, что оказалось у полиции, одно и то же. Провокатора — Георгия Левина — никто не контролировал. Есть множество противоречивых показаний свидетеля, который якобы наблюдал за его доставкой в отдел полиции. [В ходе суда этот свидетель отвечал, что не знает подробностей доставки Левина в отдел полиции], а когда обвинение спросило: «Вы же видели то-то и то», стал подтверждать.

Когда один из моих адвокатов Ксения Михайлова спросила: «Вы же узнали обо всем от своих коллег», ответил: «Так точно». Из протокола судебного заседания это исчезло, но сохранилось на аудиозаписи моих адвокатов. Судья отказал приобщать эту запись к материалам дела.

Левин подарил вам пакет на день рождения, а потом вы захотели его вернуть. Расскажите про это.

— Он сказал, что это подарок на мой день рождения, и попросил вскрыть его через некоторое время. Когда я это сделал, я довольно сильно испугался. Я тогда запаниковал, честно говоря [и решил его вернуть]. Это мог быть и муляж. Я мог стать жертвой розыгрыша с потерей лица. Представьте себе, человек начинает верещать, что ему бомбу подложили, а оказывается, это муляж. Это могло быть чем угодно. Напомню, передачу пакета в отдел полиции никто не контролировал.

Почему вы не избавились от этого пакета сразу?

— Я хотел так сделать. Потом заинтересовался, что это такое все-таки. Была мысль — может быть, передать на какую-то экспертизу содержимое пакета. Я понимал, что Левин — человек подозрительный.

Почему вас не насторожил этот странный способ — вернуть пакет через камеру хранения магазина,

который предложил вам Левин?

— Я опасался, что, если передам из рук [в] руки [Левину], пакет будет также легко подменить. Подумал, если [полицейские] станут изымать пакет [из камеры хранения], то сделают это при понятых, хотя сейчас понимаю, что изымали бы при своих понятых.

Кадры оперативной съемки с содержимым пакета / Фотография опубликована на сайте «Невских Новостей», которые связывают с Евгением Пригожиным

Обвинение представило как доказательство прослушку ваших переговоров с засекреченным свидетелем, которого вы опознали как Левина. О чем вы там говорили? За что уцепилось следствие?

— Подобные разговоры велись и раньше. Он предлагал мне сначала убить **Тимура Булатова**. Я был удивлен его настойчивости и объяснил, что убийц среди нас нет. По инициативе моих защитников эту запись изучил психолог-лингвист и сделал заключение, что один из говорящих явно провоцирует другого на совершение каких-то действий. Эта экспертиза есть в деле. Обвинение пыталось извратить мои слова, что я соглашаюсь с тем, чтобы положить этот пакет в камеру хранения. На самом деле это от начала до конца было предложение Левина, классическая полицейская провокация. Где он сейчас, я не знаю. Я ходатайствовал в суде, [хотел] узнать, где Левин платит налоги, на что живет? Мне отказали.

Как вы думаете, почему Евгений Пригожин вообще обратил на вас внимание?

— Меня этот вопрос самого занимает. Может, кому-то показалась оскорбительной маска Путина, которую я носил на некоторых акциях?

ПО ИЗОЛЯТОРАМ

В каких изоляторах вы побывали?

— Первоначально меня привезли в Горелово. Этот изолятор считался тогда чем-то вроде пресс-тюрьмы, где выбивались показания, простите за жаргонное выражение, обламывали рога непокорным. Там я просидел год и два месяца, потом из-за **закрытия этого заведения** меня перевели в «Кресты». Там я провел около пяти месяцев в спецблоке в одиночной камере. Это незаконно. Я подал заявление прокурору, представителю омбудсмена. Мне оставалось сидеть где-то три месяца. Если бы в апелляции отказали, познакомился бы с еще одним филиалом ГУЛАГа.

Пытались ли на вас давить в Горелово?

— В камере существует особая каморка, так называемая «кухня», где готовят еду для избранных, для тех, кто платит деньги, кто состоит в активе. Там же пользуются услугами тех, кто им прислуживает, — повара там есть, официанты свои, массажисты. Меня позвали туда, как и всех новичков, на беседу, беседовали довольно откровенно. Как потом я услышал, меня уже ждали, знали мою историю. Спросили статью, попросили показать торс.

Татуировки хотели посмотреть возможные?

— Видимо. Спросили про здоровье. Говорю: «Есть хронические болезни, но вообще я живучий». «Это тебе понадобится», — такой тонкий намек. Попытались потом навязать мне уборку этого барака. Там 118 койко-мест, но набивают от 80 до 150. Я отказался.

А номер камеры помните?

— 1/1.

Эти угрозы осуществились?

— Благодаря обстоятельствам — нет. Даже попыток не случилось. После отказа от дежурства по камере ко мне почему-то никаких репрессий не применили. А вот парня одного за такой же отказ при мне жестоко избили. Через день-два меня стала активно посещать Общественная наблюдательная комиссия (ОНК). Поступили какие-то сведения обо мне активу. Они как-то опасались со мной связываться. Вообще строптивых переводят в другие камеры, чтобы примера не показывали. Когда человек не сломался, начинается нездоровое брожение внутри коллектива. Других избивали и заставляли физические упражнения делать, например приседания — тысячу, полторы тысячи раз. Меня почему-то не трогали.

Как вы это объясняете?

— Первоначально я объявил голодовку. Отдал так называемым старшим заявление об этом. Там все заявления в администрацию идут через них. Голодал 35 суток. Они [актив] не привыкли к такому, боялись, что я умру. Провоцировали, ходили мимо, например, ели куриную ножку. Вообще, самое страшное было там не насилие, а тупая покорность большинства. Там же очень много людей. Все они принимали эти правила игры. В моем понимании, это картина путинской России: насилие со стороны власть предержащих и молчаливая покорность, я бы даже сказал, извините за расхожее мнение, стокгольмский синдром некий.

Так вот, почему меня не трогали? Наверное, опасались общественного резонанса, понимали, что я политический заключенный. Ко мне даже приставили наблюдателя, который следил, чтобы со мной ничего не случилось. Как-то обронил один из администрации СИЗО: «С вами одни проблемы тут».

Там очень много такого происходит, за что может поплатиться глава учреждения. Там практикуются такие вещи как «входной билет». Это плата за возможность поспать на койке — от 5 до 15 тысяч рублей. Иначе спишь на краю кровати, постоянно заставляют убираться.

А кто вообще те люди, которые там сидели? Какое у них мнение о происходящем в России?

— Так достаточно широкий спектр. Большинство аполитичны. Многие — это так называемые кухонные политики. Немало тех, в том числе в активе, которые понимают, что происходит в стране. Я даже слышал такие выражения: «Когда вы уже всё перевернете, а так только залетаете, от вас тут одни проблемы».

Владимир Иванютенко на акции 5 мая 2018 года / Фото: Александр Крылов

А у вас были проблемы от того, что вы писали жалобы на условия содержания?

— Я жаловался также, когда некоторым сокамерникам не оказывали необходимую медпомощь, в итоге меня поместили в аналог спецблока. Трехместная камера, 3,5 на 3 метра. Бетонный пол. Нет горячей воды. Ее нет везде, но в этой камере ее нет по определению.

А с кем вы сидели?

— Несколько человек, с которыми я был в приятельских отношениях.

Учитывая, что в вашем деле фигурирует предприниматель Евгений Пригожин, вы не опасались за свою жизнь? (Журналисты ВВС и «Фонтанки» связывали бизнесмена с серией нападений на оппозиционеров — ОВД-Инфо)

— Я думал об этом, но ничего подобного не случилось. Это привело бы к излишнему вниманию к Горелово, хотя вообще **людей там убивают**. Я не видел, но регулярно вывозили трупы. Я бы даже не назвал это конфликтами в уголовном мире, потому что люди из этого мира презирают подобное. Мне приходилось общаться с **черноходами**, они были глубоко возмущены тем, что творится в Горелово.

После Горелово вы попали в «Кресты». Как вы выдержали одиночное заключение?

— Камера довольно просторная: 4,40 на 2,40 метра. Есть удобства, кроме горячей воды. Во всех «Крестах» горячая вода есть, в спецблоке нет почему-то. В шахматы играл сам с собой, перекрикивался с соседними камерами. Охрана смотрела на это сквозь пальцы.

Что хуже психологически: жить в одиночной камере или в таких местах, как в Горелово?

— Лучше в одиночной, учитывая мой характер. Я хорошо переношу одиночество. Нет конфликтов с сокамерниками, например, какое радио слушать.

Когда начнется новое рассмотрение вашего дела?

— Пока дату не назначили. По идее, дело должно развалиться, но мы понимаем, в какой стране живем. Один из сотрудников администрации СИЗО мне как-то сказал: «Ну вас же посадили не за то, в чем вас обвиняют».

Чем вы сейчас занимаетесь?

— Ищу работу.

Когда вышли на свободу, о чем подумали?

— Это случилось неожиданно. Я растерялся.

Ещё почитать

24.02.2026 Санкт-Петербург

Прокурор запросил от 8 до 13 лет колонии для фигурантов дела «Весны»